

Что интересно, взрослая дочь моя, мать моей внучки-отроковицы, тоже, как и я, не выловила ни одной рыбки, поскольку тоже, как и я, не удила во все. Она с детства не могла видеть, как пойманная рыба разезает на суше беспомощно рот, как вырывают из её губы жало крючка. Для нормального человека, казалось бы, нет в этом ничего особенного, но всё же...

Но вот всё же есть на свете люди не как все, с каким-то отроду своим особым на происходящее вокруг себя взглядом, а есть, которые приходят к этому отличному от других особому взгляду через всё своё бытие на белом свете.

О чём только не передумал я в тот яркий, солнечный день на новых для меня берегах, в новой моей на старости лет жизни.

16 мая 2023 г.

45

Бату-хан

В СОЮЗ писателей на должность литконсультанта я перешёл работать из республиканской молодёжной газеты в 1982 году. В то время правление творческого союза находилось в Доме печати на улице Баумана, центральной улице Казани. Историческое здание. Здесь работал поэт-герой Муса Джалиль, другие личности, чьи имена сегодня носят улицы города. Естественно, не без трепета взошёл я по широкой мраморной лестнице на Парнас профессиональных литераторов Татарстана и сразу окупился в совсем непоэтические будни писательского сообщества.

За довольно короткий срок я перезнакомился почти со всеми членами СП. Это, в принципе, было несложно. Способствовала должность, да и всё-таки работал я до этого газетчиком, а кое-кто из писателей захаживал в гости и к моим родителям...

При первой встрече там, в Доме печати, отношений каких-то у нас сразу не завязалось, несмотря на то, что он хорошо знал моего отца, популярного иллюзиониста, с которым не раз бывал в качестве артиста разговорного жанра на гастролях. И домой он к нам захаживал, как свидетельствует

его журнальная статья о моём отце под названием «Наставник», но не моя память.

Заинтересовались друг другом мы с ним позже, когда правление Союза писателей переехало на улицу Комлева, ныне Муштары, в бывшую детскую клинику Лепского, а ещё ранее – особняк купца Оконишникова, утопавшего в зелени роскошного сада с фонтаном посередине, обнесённого самой красивой в городе оградой чебаксинской ковки. Но всё по порядку...

Рабит Батулла (Роберт Мухлисович Батуллин) в различных справочниках значится как писатель, драматург, общественный деятель, театральный режиссёр, педагог, публицист, сатирик... Я бы добавил – и актёр. Он ведь вместе с другим живым классиком Туфаном Миннуллиным окончил в 1961 году Высшее театральное училище им. М. С. Щепкина в Москве. По окончании оба были приняты в драмтеатры. Но с актёрством у них не задалось, и оба в итоге стали большими писателями. Да, пути людские и в самом деле неисповедимы.

И в особняке Союза писателей мы стали общаться только с 1989 года, когда был открыт и размещился в том зда-

нии молодёжный журнал «Идель». Выходить он стал на татарском и русском языках. Татарское издание вёл Фаиз Зулкарнаев, русскоязычное – я, общее руководство осуществлял Римзиль Валеев, а герой моего рассказа Рабит Батулла был членом редколлегии.

В наших молодёжных застольях по поводу и без нередко участвовал и Батулла – позже Батулла-абый, Батулла-абзый, Батулла-ага... Но ему по душе было просто Батулла. Его приход в редакцию всегда был праздником. Его опыт, необычные знания, парадоксальное мышление, образный, меткий язык обогащали нас, будущих «инженеров человеческих душ», неимоверно. Редакционный кружок припозднившихся после рабочего дня сотрудников составляли обычно братья Фаиз и Ляис Зулкарнаевы, Ркаил Зайдулла, Газинур Мурат, Фаяз Фаизов, да и автор этих строк. Состав кружка порой менялся, кто-то убывал, кто-то добавлялся, но это уже частности. Неизменен был в своём статусе Рабит Батулла, в те времена ещё без «абый», «абзый», «ага», без седины в бороде, без волос на голове, – как всегда, гладко обрит или слегка «ощетинен», то есть при короткой щетине на крутолобом черепе и без ещё тогда каракулевой папахи. Порой при разговоре он благостно проводил ладонью по зеркальной глади от лба до затылка или жёстко шуршал дланью по большому ершистому полю, не знаю, как сказать, колючих всходов или жнивья. Молодёжь подражала ему – на лето тоже обривалась. Однако уважительное «абый» («дядя») уже тогда нет-нет да и звучало в наших устах.

Но Батулла был равнодушен к возрастным регалиям, как, впрочем, и к официальным должностям в Союзе писателей. Казалось бы, такой популярный писатель, выдвини свою кандидатуру на пост председателя правления СП, и ты без сомнений взойдёшь на это хлебное место со всеми его возможностями. Но нет. Поработал в театре кукол, институте культуры, на телевидении... Вот и всё, а далее исключительно писательский

труд. И ни в какой партии не состоял – считал, что писательство нечто более высокое, чем партии, правительства и всякие провластные структуры. Он говорил: писатель всегда должен быть в оппозиции к властям. И теперь так говорит и пишет. Недавно пообщались с ним по телефону, и я заметил, что в его публицистике много довольно острых углов. Он ответил: «Я же не писатель, а просто летописец, пишу всё, как было и как есть». Не нашёлся я, что ответить на его такое самоопределение.

Имя «Роберт», данное ему отцом, будущий аксакал татарской литературы не принял. Давать своим детям чужеродные имена, типа Марсель, Рафаэль, Эдуард, Венер(а)... – это значит не ценить своё родословие, затушёвывать происхождение и, возможно даже, стыдиться своей нации. Так он считал и взял для своего псевдонима приемлемое имя, но созвучное паспортному, – «Рабит», что в словарях с арабского – «связной».

На наших редакционных посиделках он рассказывал интересные истории из минувшей жизни, о которых в СМИ было ни прочесть, ни услышать. Одну из его историй я хорошо запомнил. Вот она вкратце.

Это были 60-е годы прошлого века. Первый секретарь обкома КПСС Фикрят Табеев позвонил писателю, автору исторических романов Нурихану Фаттаху и сказал, чтобы тот приехал к нему в обком. Нурихан Фаттах ответил: если ему это надо, то пусть сам заедет. На том связь оборвалась.

Прошло время, и на одной из встреч с интеллигенцией республики Фикрят Табеев назвал Нурихана Фаттаху ненормальным: «Сам пишет исторические романы, а сам не хочет вступать в партию!» И продолжил: «У Фаттах гайки вообще не в ту сторону завёрнуты! Я с ним знаком с университета, жил в одной комнате студенческого общежития. Такой скряга был, что запирали свою тумбочку на замок».

– Оказалось, – пояснил Батулла, – в той комнате общежития проживало

двенадцать человек и из тумбочки будущего писателя, как мне рассказал сам Нурихан Фаттах, пропадали куски хлеба, сыра, испарялся кефир, вот и повесил он на тумбочке замок.

При наших задушевных беседах Батулла любил играть словами, пояснять их этимологию, приводить примеры переселения слов одного языка в другой и благополучного там их проживания.

– Вот, – говорил он, – всем известная московская улица Арбат. А происходит это красивое название от простой телеги. Ведь «телега», «повозка» по-татарски «арба». На этой улице, говоря современным языком, была их парковка, и ездовыми на многочисленных арбах были, естественно, татары. Вот тебе и Арбат мой, Арбат!..

Приводил и другие примеры татарских слов, укоренившихся в русском языке: *атаман, башмак, богатырь, булат, денъга, казна, книга, кремль, улан, ура, ямщик*... Позже, в 10-м томе своего собрания сочинений он целый словарь таких слов опубликовал. Я внимательно просмотрел его и обнаружил, что в нём не хватает такого колоритного слова как «епанча», которое и Пушкин в своём «Каменном госте» употребил. Но происхождение-то этого слова тюркское. А откуда я его вспомнил? Да у нас в хоккейном «Ак-Барсе» играл нападающий по фамилии Епанчинцев.

Особенно забавляло то, что Батулла мог объяснить любое русское слово татарскими корнями. В шутку, конечно, как бы в продолжение множественности тюркизмов в русских словарях. Вот, например, происхождение слова «ракета» писатель относил к двум глаголам «өрә – китә», что переводится как «лает – улетает». И в самом деле, ракета ведь вначале рычит, лает и затем в небеса улетает, и произношение полностью совпадает, не считая первой гласной, которая здесь воспринимается как артикль. Надо заметить, в отличие от большинства татарских писателей, Батулла свои произведения переводил и переводит на русский язык сам.

К нашей демократичной скатерти-самобранке Батулла подходил не с пустыми руками. Торжественно доставал из своей сумы-запличенской традиционный деликатес – казылык*, нарезал тонкими ломтиками, сообщая каждый раз, что сам приготовил это чудо. И наше скромное застолье превращалось в пир горой.

В 1970 году Рабит Батулла отправил две телеграммы Генсеку ЦК КПСС Л. И. Брежневу. В одной он выразил протест против передачи Азимовской мечети в Казани под общежитие, в другой просил дать разрешение на открытие республиканского молодёжного журнала. В итоге писатель попал в «чёрный список», и его, профессионального писателя, главу семейства, лишили заработка – возможности печататься в газетах, журналах, книжных издательствах. Но минули годы, и мы видим действующую Азимовскую мечеть и читаем журнал «Идель» на двух языках. Понятно особое отношение писателя к изданию, его коллективу, которое довелось мне видеть в начале 90-х годов прошлого века.

Встречались мы с ним не только в редакции журнала, на писательских съездах и конференциях, но и в других, более прозаических заведениях. Вспоминаю, как мы однажды летом потягивали пиво в пивной на улице Кирова, теперь Московская, напротив здания «Татгаза», где работал мой брат. Я как раз от него вышел и заглянул через дорогу в более скромное учреждение немного прохладиться в жаркий день. Смотрю – какая радость! – сам Батулла мочит ус в напиток пенном.

Завидев родственную душу, он жестом пригласил меня к своей стойке – места в пивной были стоячие. Я купил сразу две кружки и прошёл к нему. Прохладный напиток освежал разгорячённую грудь и располагал к непринуждённой беседе. Мэтр спросил: над чем я

* Казылык (тюрк.) – копчёная колбаса из конского мяса.

работаю. Я ответил, что начал новый роман. Он поинтересовался: о чём? Лишь час назад оторвавшийся от рукописи, я и разошёлся тут. Стал вкратце пересказывать:

– В клубе санатория в своём выступлении перед санаторной публикой молодой поэт прочёл стихотворение, в котором были строки:

**Когда бы было меня много,
я б девушек кривых, глухих,
убогих, несчастливейших
собрал и из себя любого
по выбору женил на них.**

– И что дальше? – спросил Батулла.

– А дальше вечером к поэту в номер постучалась молодая горбунья и за восторженным обсуждением его выступления и чашкой чая вдруг спросила: «А вы честны в своём стихотворении о милосердии к девушкам, покалеченным судьбой?» Ну, дальше, Батулла-абый, понятно же, поэт оказался милосердным. У них завязались любовные отношения, правда, ненадолго, хотя и полюбила она его всем сердцем. Через несколько лет он её встретил. А у неё горб простыл бесследно. Она стройна, красива, а рядом с ней малыш. Правда, она не признаётся, что это она. Но это она, и малыш капля от капли он. Вот, подумал поэт, что делает любовь, – красит, подымает, выпрямляет...

– А нелюбовь, а отсутствие её горбатит, – произнёс Батулла.

Я выжидательно промолчал, а он конкретно пояснил своё философское дополнение:

– У неё пропал горб, а у него пусть вырастет.

– Точно! – ответил я и подумал: «Это же сразу меняет однозначный сюжет».

Так, между делом, мэтр сделал мне величайшую подсказку, и в свет скоро вышел мой роман «Записки горбатого человека», который потом Батулла высоко оценил. И не только он.

Как-то, гораздо позже, когда борода его совсем уже побелела, он зашёл ко мне на работу в одну из просторных комнат Национальной библиотеки, что

на площади Свободы. Принёс рассказ для коллективного сборника Татарского ПЕН-центра. Я взял рукопись, полистал, а он тем временем разглядывал мои картины на стенах. На одном из портретов, который я сделал ещё в армии, Батулла узнал моего отца и заметил:

– Помню, помню... Тех ещё времён Габдулхай-ага!

Пришла молодая писательница Альбина Нурисламова. Я решил познакомиться её с аксакалом нашей национальной литературы, назвав его при приглашении днём ранее Бату-ханом. Она была новенькой в нашей среде, ей всё было интересно, особенно, конечно, знакомство с ханом татарских писателей. Подсели к самовару, и у нас потекла тёплая, прямодушная или, как говаривали в старину, чайная беседа. Конечно, рассказывал Батулла, а мы слушали. Он сперва вспомнил моего отца, как они квартировали у сельчан, где проходили их гастроли, как в лютый мороз передвигались от села к селу на санях, движимых одной лошадиной силой...

После второй рюмки чая аксакал переключился на своего отца:

– Мой-то по жизни учителем был, представителем, так сказать, самой мирной профессии. Но судьбу не зря называют злодейкой. Началась война, учитель оказался на фронте, на самой его передовой, и попал в плен. Ему повезло, его не отправили ни в концлагерь, ни на рудники, а определили на немецкое частное хозяйство батраком. Да, и такое бывало. Главенствовала в хозяйстве некая молодая фрау, у которой муж погиб на фронте. А тут работающий, сильный красавец-татарин с сахарной улыбкой. Замечу в скобках, отец всю жизнь чистил зубы мелкими веточками дуба. Разве могла фрау уберечься от искушения? Нет, конечно. И она родила от пленного красноармейца малыша. Сами понимаете, далеко не арийской внешности.

Бату-хан огладил привычным движением бороду и продолжил свой рассказ. А рассказывать он умел.

– Ну вот, война кончилась, и Мухлис, так его звали, засобирился домой на ро-

дину. Там ведь у него тоже были детки и законная жена. Но на родине отношение к бывшим пленным, скажу мягко, было совсем не как в других странах. Предмет истории вы и без меня хорошо знаете. Отца моего затаскали на допросы, а он на каждой деревенской посиделке продолжал рассказывать о чудесах немецкой жизни – о их быте, технике, нравах:

– «Все женщины там ездят на базар на велосипедах». – «Как это? Не может быть!» – «А мужчины и педали не крутят». – «Не рассказывай сказки!» – «Потому что у них моторчик там под рамой, с гусиное яйцо». – «О-о-о!»

– Конечно, – пояснил Батулла, – трудно было односельчанам поверить, когда у самих два драндулета на всю деревню. – И продолжил в лицах: – «И все дети отправляются в школу на великах. Приехал, поставил в тенёчке...» – «И не крадут?» – «Такого там и в помине нет». Народ удивлялся: «Надо же!» – А отец всё в свою дуду: «И вина в магазинах не покупают». – «Это как же?» – «А так, у них своё вино. Я сам его делал из вишни, винограда... Ногами в большом чане месил». – «Ноги-то помыл прежде?» – «Зачем? Они сами в чане отмывались». Смех, шутки...

После каждой такой лекции – ката-лажка, допрос и вывод: завербован во вражеские пропагандисты-подрывники. Лишили его с женой Мукаррамой возможности преподавать в школе. Уехал в Пермь, начал плотничать. Говорил, половину Перми того времени построил, сработал своими руками. Купил там мотоцикл «Иж», автомобиль «Москвич», гнал «серебрянку» – водку на зёрнах проросшей пшеницы (с названием «самогон» категорически не соглашался), изготовлял прекрасный казылык – из мяса специально откормленной лошади, ни в коем случае не из конского. Приезжал погостить на малую родину, в деревню Шикмамаево Заинского района, созывал гостей, угощал своей серебрянкой, лошадиной колбасой и т. д., и т. п. Обязательно звал и доносчиков на свою антисоветчину. Я стеснялся спрашивать: когда, мол, обратно в Пермь? Но потом догадался – заглядывал в

укромное местечко с батареей его серебрянки... Ага, всего одна бутылка осталась! Значит, завтра в путь соберётся.

А мать тем временем сидела на сундуке, в котором хранился улемтек – вещи, заранее приготовленные для своего погребального обряда, и говорила: «Что-то Азраил (Ангел смерти) запаздывает. Уже все вещи для похорон трижды обновила. Безжалостно молвь всё поедает, ей ведь не объяснишь...» Маме-то нынче 102-й год пошёл!

– Значит, и сын её будет долгожителем, – заметил я.

– Да уж, – крикнул Батулла, – благодаря Всевышнему и врачам.

Врачей он не просто так упомянул. На пятом десятке лет у Батуллы стало пошаливать сердце. В Гамбурге (Германия) его прооперировали, вместо ослабевших от перенагрузки сердечных сосудов вставили «железные клапаны» и сказали: «Будешь ещё сто лет жить!» – «Железно?» – «Железно!» – ответили ему. (Допущение автора.)

Послеоперационная палата была двухместная. Батулла пригляделся к соседу...

– Ощущение, будто в зеркало взглянул! – пояснил своё то состояние Батухан. – Передо мной находился второй Батулла. Так он был похож на меня. По всему получилось, что это мой немецкий братишка, от той самой фрау. Разговорились на немецко-татарской смеси. Обстоятельства-то вынудили меня немного приобщиться к немецкой речи. Он показал мне несколько дорогих его сердцу камешков-самоцветов, а также журнал с большой статьёй, на обложке которого был его портрет на фоне какой-то горы. Оказалось, он был геологом.

Немного помолчали. О чём каждый из нас троих в моём рабочем кабинете задумался – не знаю. Лично я был сильно удивлён, не ожидал такого поворота. «Жизнь подкидывает сюжеты покуче любого вымысла, – подумал я. – Садись и пиши рассказ по следам услышанного». Впрочем, почти так я и сделал. Вернувшись домой, записал рассказ мэтра в своём дневнике. Паузу прервала Альбина:

– А он-то признал в вас брата?

– Похоже, нет, не признал, – не сразу ответил Батулла. – Думал попозже заведу этот непростой разговор. А поутру моего братишку быстро собрали со всеми вещами и увезли на койке-каталке. Больше его я не видел.

Кстати, в дневнике моём, как положено, и дата той встречи с необыкновенным рассказом мэтра значится: 15 марта 2015 года.

Что интересно, в дневнике тем же мартом, лишь на девять дней позже, отмечена опять встреча с Батуллой в библиотеке. Только третьим там был Гарай Рахим. Но он не задержался. Похохмил, как обычно, рассказал, расспросил... и ушёл. Батулла остался. Он принёс для публикации в «Казанском альманахе» очерк о Рустеме Кутуе. Опять почаёвничали. На этот раз мэтр вспоминал, как в компании с Туфаном Миннуллиным, поэтом Радифом Гаташем, Надеждой Сальтиной (зав. отделом пропаганды и культуры молодёжки), Яном Винецким (зав. отделом культуры главной партийной газеты республики), ещё с кем-то (не успел записать) он ходил в обком партии по вызову секретаря по идеологии Мурзагита Валеева. Не буду расписывать, скажу коротко: партийный бонза в течение нескольких часов (с небольшими перерывами) в свойственной ему безапелляционной манере получил «представителей идеологического фронта», как надо писать на пользу партии и правительства. Особенно, поняв я, это было интересно послушать беспартийному Батулле.

Нестандартное поведение, своёвольный характер героя нашего очерка проявились с первых лет пребывания его в Союзе писателей. В тот день за чашкой чая у меня на третьем этаже библиотеки он поведал ещё и характерную к сказанному историю из своей «туманной юности»:

– Помню, молодой, горячий, какая-то писательская конференция, и я на ней докладчиком по прозе. Делал обзор и с высокой трибуны камня на камне не оставил от одной из последних повестей Абдурахмана Абсалямова. Сказал, что

раньше мы им зачитывались, а теперь он остановился, ничего нового, всё на той же ура-патриотической ноте. После собрания в кабинет председателя правления Союза писателей Мирсая Амира вызывает меня Хасан Туфан и говорит: «Крепко ты по повести Абсалямова прошёлся. Но своим молодым, свежим взглядом всё верно разглядел и не побоялся “живому классику” сказать правду». А я ведь первоначально подумал, что мне здорово попадёт. Нет, Хасан Туфан опять поддержал меня.

Течение нашего разговора то и дело меняло русло, и я как-то не спросил, какую ещё поддержку оказывал ему Хасан Туфан, раз было употреблено слово «опять». А ещё я подумал, что из рассказанного получалось: поколение Батуллы зачитывалось ура-патриотическим соцреализмом Абсалямова. «О времена, о нравы!» – восклицали в своё время Цицерон, Грибоедов, Пушкин...

Осенью 1990 года я уволился из редакции журнала «Идель» и организовал при Союзе писателей Татарстана Общество содействия экологии культуры «Туган як» («Родной край»). Естественно, стал его председателем. Для финансовой поддержки привлёк несколько друзей-бизнесменов, неравнодушных к проблемам культуры республики. (Особенно широко мы были представлены в газете «Социалистик Татарстан», номер, дату того года не помню.) В здании СП нам отвели двухкомнатное помещение и ещё несколько комнат в соседнем доме на пару с частным банком, коих в то время было пруд пруди. Планов у нас было громадье, и один из пунктов – организация литературной премии имени Гаяза Исхаки. И как тут не включить в соорганизаторы родной Союз писателей?! Согласовали положение, создали солидную комиссию, объявили... Вы спросите, какое отношение это имеет к теме очерка? Самое непосредственное. Первым лауреатом этой премии стал Рабит Батулла за роман «Юл буенда зәңгәр чәчәк» («У дороги синий цветок»). Позже он стал и лауреатом Государственной премии РТ им. Г. Тукая, и Народным писателем, и в кино снимал-

ся... Но я тут подробно описываю только то, что сам видел, слышал, к чему был причастен. (Для информации: вторым лауреатом премии им. Г. Исхаки стал Ибрагим Нуруллин за биографическую книгу о Тукае в серии «ЖЗЛ».) Кстати, в Интернете есть имена всех, более трёх десятков, лауреатов литературной премии Союза писателей РТ им. Г. Исхаки, нет только упоминания основателя этой премии – Общества «Туган як».

Ещё одним публичным действием с Батуллой стало участие его в телепрограмме «У зелёного камина», которую я вёл на ГТРК «Татарстан» на протяжении десяти лет. Это было 13 января 1995 года. Под телевизионные камеры у живого огня камина очень интересно поговорили. Неожиданно для самого себя я узнал много нового из жизни корифея татарской литературы. И Батулла сам как-то по-особому вдохновился, отвечая на мои заковыристые вопросы. Потом оказалось, что интересно было не только нам, участникам съёмки, но и многочисленным телезрителям.

Кроме членства в СП РТ Рабит Батулла является и членом Татарского центра Международного ПЕН-клуба. Центр выпустил в свет более трёх десятков книг наших писателей и историков на татарском, русском, английском, турецком языках и распространил их по свету, участвуя во Всемирных конгрессах писателей, не обделяя, конечно, и наши родные библиотеки и университеты. В этом году – в год 85-летия Рабита

Батуллы – мы перевели на английский язык и издали его книгу «Rudolf Nureyev. Possessed By The Dance» («Рудольф Нуреев. Одержимый танцем»), посвящённую всемирно известному танцору, представителю татарского народа, которому в этом году тоже – 85. Этим мы не ограничились. Дело в том, что ежегодно Татарский ПЕН-центр получает приглашение участвовать в выдвижении кандидатов на Нобелевскую премию в области литературы. И мы решили представить на этот самый престижный литературный конкурс его книгу. Батулла был не против. Конечно, мы понимаем, что конкуренция заоблачная, и нет там у нас лоббистов, но чем чёрт не шутит, как говорится. Всё-таки приличные люди на приглашения должны откликаться.

Недавно позвонила мне Альбина Нурисламова. Теперь она популярная писательница, живёт в Сербии. Звонит и спрашивает:

– Как там Бату-хан поживает?

Так назвала она нашего аксакала, как в своё время я представил его ей перед знакомством в библиотеке.

– Нормально, – ответил я. – У него нынче юбилей – 85 лет.

– Передайте, пожалуйста, самые искренние поздравления. Та наша встреча с ним осталась в памяти на всю жизнь!

– Дорогой, Бату-хан, передаю вот поздравления известной вам землячки с далёких Балкан и от всей души присоединяюсь к ним!

